

Добрыня и Маринка. Былина

Как ходил, гулял Добрынюшка по городу,
Как ходил, гулял Микитич по Киеву,
Как Добрынюшки-то матушка наказывала,
Как Микитичу родная приговаривала:
«Ты поди-кось, Добрынюшка, по городу,
Ты ходи, гуляй Микитич по Киеву;
Не ходи-ка ты во улицу возвратную,
Во те ли пёреулочки Маринкины;
Там живёт курва Маринка Игнатъевна,
Ай, зеленъщица Маринка, отравщица:
Она много отравила добрых молодцов,
А всё сильных, могучих богатырей».

Тут ходил, гулял Добрынюшка по городу,
Как ходил, гулял Микитич по Киеву,
И зашел он во улочку возвратную,
Во те ли переулочки Маринкины.
Увидала-то Маринушка Игнатъевна,
Выпускала (Выпускала) голубка да со голубушкой.
Увидал он голубка на окошечке,
Натягал Добрынюшка свой тугой лук,
Накладывал он стрелочку калёную:
«Ты убей-ка, убей, да калена стрела,
Ты убей голубка да со голубушкой!»
Не убила голубка да со голубушкой,
А убила у Маринушки мила дружка,
Ай, мила дружка, Идолища поганого,
Поганого да и некрещеного.

Стоючи-то тут Добрыня пораздумался:
«А не честь дак хвала да молодецкая,
А не выслуга дак богатырская:
Не пропасть-то моей да каленой стреле
У девки у Маринки у Игнатъевной!»
И заходит тут Добрыня во высокий терём,
Крест-то кладёт он по-писаному,

А поклоны-то ведёт по-учёному,
На все стороны Добрыня поклоняется,
А Маринушке Добрыня – той челом не бьёт.
Уж он брал как стрелочку калёную,
А пошел-то из высокого тѐрему.
Тут Маринушке да за беду стало,
За досадушку да за великую.
Вставала-то Маринка на резвы ноги,
Брала она два ножичка булатные,
Подрезывала следы Добрынины,
Клала в печь на дрова на дубовые,
Тут ко следам да приговаривала:
«Шшайте¹ вы, следы Добрынины, -
Так бы шшайло у Добрыни ретивó сердце
По девке по Марине по Игнатъевне!»
Приходил-то Добрыня к родной матушке;
Не мог же он не жить, не быть,
Не жить, не быть, не тёмной ночи спать.
Говорит-то Добрыне родна матушка:
«Как ходило моё дитячко, дак дохóдило,
Как гуляло моё милое – и догуляло!»
Зазвонили тут ко рання (ранней) заутрене
У той ли церкви у соборныя (соборной).
Встает-то Добрынюшка ранѐшенько,
Умывается Добрынюшка белѐшенько,
И походит он ко рання (ранней) заутрене.
Вышел он, Добрыня, на улицу,
Стоючи-то тут Добрыня пораздумался:
«Что мне делать у рання заутрени,
У той ли у церкви у соборныя?
Пойду лучше к Маринушке к Игнатъевной².
Зашел он во улицу возвратную,
Заходил он к Маринушке к Игнатъевной,
Уж он крест-от кладёт да по-писáному,
Поклоны-то ведёт да по-учёному,
На все стороны Добрыня поклоняется,
А Маринушке – дак той на особину.
Говорит-то тут Маринка таковы слова:
«Вчерась-то ты, Добрыня, не то творил,

А сегодня ты, Добрыня, во моих руках,
Во моих руках, Добрыня, под моей грозой.
Возьми-то, Добрыня, за себя взамуж».
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Не подобает мне-ка взять девка неверная,
Девка неверная да некрещеная».
«Оверну я тебя жабой подколодную,
Которой жабе отвороту нет!
Есть-то у меня во чистом поле
Девять туров да девять гнедых:
Оберну я тебя да гнедым туром,
А тебя-то я изукрашу всем:
Щетинка золота, а друга серебряна,
Бока-то у тебя да рыту бархату,
А рожка-то у тебя да позолоченные».
Спустила его да во чистое поле
Есть-то травушки, ковыль-травы,
А пить-то гнилой воды болотняя (болотной).
Зачинается у князя у Владимира почестен пир.
Собиралися все князья, бояре на почестен пир;
Все-то на пиру да напивалися,
Все-то на честном наедалися.
Кто-то хвастает золотой казной,
Иной хвастает своей молодой женой,
Иной хвастает своим добрым конем.
Похвастала Маринушка Игнатъевна:
«Есть-то у меня во чистом поле,
Есть-то у меня да девять туров,
А десятый-от тур дак на большины:
Бока-то у него дак рыту бархату,
Рожка-то у него дак позолоченные».
Вставала-то Настасья Микитична,
Как вставала она да на резвые ноги,
Брала она Маринку за ворот;
Била её да по белу лицу:
«Ах, ты, зеленьщица и отравщица!
Ты много отравила добрых молодцов;
Отравила у меня брателка Добрыню Микитича.
Отверни Добрыню Микитича;

А не отвернешь, тогда смерти предам».
Дала она ведь заповедь великую
Отвернуть-то Добрынюшку Микитича.
Обернулась-то Маринка сорокою,
Полетела в чистó поле,
Села к Добрыне на золотой рожок:
«Находился ли, Добрыня, пó полю,
Ты наелся ли, Добрыня, ковыль-травы,
Напился ли ты водушки болотняя (болотной)?
Возьмёшь ли меня да за себя взамуж?»
Дал-то Марине заповедь великую,
Что «возьму я тебя да за себя взамуж».
Отвернула тут Добрынюшку Микитича.
Приходит-то Добрыня ко князю ко Владимиру:
«Ой, ты, князь да Владимир стольнокиевский!
Дал ведь я заповедь великую
Взять-то Маринку за себя взамуж».
Тут-то Добрыня Микитич и повенчались.
Приходит-то Добрыня во спальницу,
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Подайте мне, слуги, чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра».
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Подайте мне, слуги, слуги верные,
Вы подайте, слуги, чару опр́авшую».
Подали слуги верные да саблю вострую;
Тут срубил-то Добрыня буйну голову.
Увезли её, Маринушку, во чистó поле,
Сожгли её на огне,
Да развели пепелок по чисту полю.
Зазвонили тут ко рання (ранней) ко заутрене;
Походит тут Добрыня ко заутрене,
Говорит-то Добрынюшка Микитич млад:
«Всяк-от на сём свете женится,
Да не всякому женитьба издавается!
Вчерась-то Добрыня под венцом стоял,
А сегодня-то Добрыня и вдовóй хожу».

Записана А. В. Марковым в селе Шалякушке, Каргопольского уезда,
Олонецкой губернии, на р. Моше, от С. Е. Гаврилова, 80 лет, и его сестры А.

Е. Стахиевой, 60 лет.

1 Шшают – горят. Прим. певицы.

2 «Вот девки-то, они что делают!» Прим. певицы.